

В. В. ВИНОГРАДОВ

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА*

Проблема «язык и общество» — одна из центральных проблем советского языкознания. Ее решение в нашей науке тесно связано с основными положениями марксистской теории исторического развития общества и с марксистским пониманием роли языка в этом развитии. Язык общенароден на всех этапах своей истории. История языка находится в неразрывной связи с историей народа. В развитии языка не могут не отразиться исторические изменения в структуре и социальной сущности категории народа — от племени к народности и от народности к нации — буржуазной и социалистической. Поэтому многие языковеды склонны разграничивать по крайней мере три этапа в развитии каждого языка: племенные диалекты, язык народности и национальный язык. Применительно к истории русского языка эта периодизация получает несколько усложненное выражение: восточнославянские племенные диалекты доисторической поры, язык восточнославянской (или древнерусской) народности, который затем в процессе феодальной дифференциации и концентрации древнерусских территориально-государственных объединений, связанных с разными диалектными группами восточнославянского населения, с XIV—XV вв. развивается в три языка трех народностей — великорусской, украинской и белорусской, и, наконец, образующиеся разными темпами со второй половины XVII в. на базе языков этих народностей современные национальные языки России, Украины и Белоруссии.

Иногда эта же периодизация переносится и в историю литературных языков. Дело в том, что племенные диалекты или языки обычно являются бесписьменными, а языки народностей, хотя и могут быть бесписьменными, но чаще всего, по крайней мере в славянских странах, они уже имели письменную форму выражения. Становление народности и государства увеличивало потребность в письме и письменности. В эпоху же формирования нации общество никогда не обходится без письменно-литературного языка. В периоды развития народности и нации степень распространения письменности и широта охвата разных сфер общественной жизни формами письменно-речевого общения бывают очень различны, они зависят от конкретно-исторических условий (от уровня развития общества, от взаимоотношений или соотношений между письменным и общенародным разговорным языком, от общего характера культуры и связанных с этим ограничений в сферах применения письменности — для нужд культа, для государственно-канцелярских и юридических надобностей или для потребностей науки и художественной литературы).

* Доклад, представленный на Совещание Международной славянской комиссии в Риме 1—3 сентября 1955 г.

Обычно указывают также на то, что только в эпоху существования нации разговорный и письменный языки тесно сближаются, их взаимодействие и взаимопроникновение становятся базой стилистического расщепления единого национально-литературного языка. Между тем разговорный язык народности часто бывает очень далек от письменно-литературного языка. В этот период литературный язык обычно не отражает с необходимой полнотой и широтой общий язык того народа, которому принадлежит письменность, литература. Так, ход развития русского литературного языка в древний период, в донациональную эпоху осложнялся параллельным применением церковнославянского языка русской редакцией в разных жанрах литературы и письменности, а также многообразными процессами взаимодействия этих двух языков или двух типов русского письменно-литературного языка (т. е. церковнославянского и собственно русского).

Между тем в период национального развития русский литературный язык, не составляя обособленной от разговорного общенародного языка системы, совпадая с ним во всем основном, в своей структуре, в то же время характеризуется едиными более или менее выдержанными нормами речевого употребления и разнообразием стилей речи. Самое понятие «литературного языка» наполняется разным содержанием и имеет разный объем применительно к историческим периодам существования народности и нации. Так, в древней Руси письменный язык, возникший на общенародной восточнославянской речевой основе, тесно связанный с нею в своем развитии, но, естественно, постепенно расходящийся с живой народной речью, обслуживал потребности внешнеполитические, юридические и бытовые, а рядом с ним функционировал и развивался собственно литературный русский язык, сложившийся на инославянской, хотя и близкородственной языковой базе, так называемой старославянской или церковнославянской.

Взаимодействие двух языков особенно глубоко и разнообразно осуществлялось в древнерусской художественной литературе в связи с развитием ее разных стилей и жанров. Роль и место художественной литературы в культуре народности и культуре нации — совсем разные. Исторически изменяются и самые критерии художественности. В развитии национальной культуры значение художественной литературы, постепенно охватывающей и отражающей все стороны народной жизни и свободно пользующейся всеми богатствами общенародного, общенационального языка, особенно велико. Художественная литература выступает как великий организующий фактор в самом процессе формирования и развития национального языка. Развитие народности в нацию, связанное с ликвидацией феодальных отношений, с образованием в стране общего рынка, с ростом, подъемом капитализма, сопровождается постепенным сужением сферы употребления «чужого» языка, а в истории русского литературного языка — также постепенным образованием системы так называемых трех стилей — на основе упорядоченного, нормированного соотношения, взаимодействия и разграничения русских и церковнославянских элементов. Таким образом, и с этой стороны как будто подкрепляется гипотеза о различии культурно-общественных функций литературного языка и условий его развития в эпоху народности, с одной стороны, и нации, с другой.

Существенны также различия в характере регламентации литературного языка, в строгости, обязательности и универсальности его норм — применительно к разным сторонам его структуры — в разные эпохи его развития. Высказывалось предположение, что нормы письменного языка в первую очередь охватывают его грамматический строй (основное ядро синтаксической системы и морфологию) и отчасти словарный состав и что

выработка норм литературного произношения связана с более поздней эпохой развития национального языка.

Нормы — еще очень зыбкие в период существования народности — замыкаются в то время в узких пределах письменно-литературного языка и не оказывают заметного влияния на общенародный язык и его диалектные ответвления. Нормализация национального языка неразрывно связана с расширением влияния литературного языка на народно-разговорный язык, особенно в связи с образованием литературно-разговорной формы национального языка (в русском языке не ранее XVIII в.) и с характерным для периода национального развития процессом нивелировки диалектов, их «перемалывания», утраты ими резко диалектных особенностей. В эпоху национального развития устойчивая нормализация охватывает все стороны литературной речи, в том числе и произношение. Так, орфоэпические нормы русского литературного языка сложились на почве московского городского говора, который в свою очередь образовался на основе говоров Подмоскovie. Русское литературное произношение окончательно закрепилось и установилось, приобретая характер национальных норм, в начале XIX в. — не без воздействия образцового театрального произношения.

Однако есть возражения против признания этой исторической схемы воспроизведения связи истории языка и истории народа универсальной и господствующей. Так, болгарский академик В. Георгиев пишет: «Основные периоды развития данного языка нужно определять на основании особых изменений, происходящих в данном конкретном языке, а не в связи с развитием исторических категорий — народности и нации»¹. «Правильная периодизация истории данного конкретного языка, — продолжает он, — должна исходить из следующих основных положений:

Раскрытие основных „качеств“ в развитии данного языка, с учетом того, что переход языка от старого качества к новому происходит путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Раскрытие специфики развития данного конкретного языка, т. е. раскрытие основных внутренних законов, обуславливающих его развитие.

Учет того, что язык и законы его развития находятся в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит данный язык.

Разграничить периоды в развитии языка — значит указать на самые характерные признаки нового периода, отличающие его от старого»².

В. Георгиев считает, что «при периодизации данного языка внутренние законы, вызывающие изменения в морфологическом строе языка, имеют особенно важное значение». По отношению к болгарскому языку основным внутренним законом его развития В. Георгиеву представляется движение от синтетического строя к аналитическому, и результаты действия этого закона, затрагивающего «как имена, так и глаголы и даже другие грамматические категории», должны представлять «основной критерий периодизации истории болгарского языка»³.

Здесь прежде всего остается неясным соотношение и взаимодействие между так называемыми «внутренними законами развития языка» и общественно историческими факторами развития литературного языка. Неопределенной является также связь законов развития разных структурных элементов языка. Кроме того, при автоматическом переносе на

¹ В. Георгиев, Болгарское языкознание на новом пути, «Acta Linguistica», t. IV, fasc. 1—2, Budapest, 1954, стр. 8.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 11—12.

литературный язык тех тенденций и условий развития, которые обнаруживаются в истории народно-разговорного языка, совершенно стираются различия между письменно-литературным языком и общенародным языком с его диалектными ответвлениями и вариациями и тем самым совсем утрачивается специфика литературного развития языка.

В действительности же разнообразные явления народной, иногда областной, речи в систему литературного языка вовлекаются нередко вовсе не в момент их зарождения, а через очень значительный промежуток времени и получают здесь своеобразное течение и выражение — в зависимости, с одной стороны, от общественно-исторических условий развития литературного языка, с другой, от законов и способов приспособления к своеобразиям литературно-языковой системы в ее разных вариантах. Например, так называемый переход *е* в *о*, до сих пор чуждый некоторым южновеликорусским говорам, в русском литературном языке протекал совсем не так, как в народных диалектах; он столкнулся здесь с не свойственными народно-областной речи книжно-славянскими стилистическими разновидностями литературного языка, со специфическими особенностями их функционирования, с многочисленными новыми семантическими группами слов (например, славянизмами и иноязычными заимствованиями) и лексико-грамматическими особенностями в кругу разных категорий (ср., например, *врачебный*, *лечебный*, *учебный*; ср. *вдохновенный*, *проникновенный*, *сокровенный* и т. п.).

У исторической фонетики и исторической грамматики русского литературного языка есть целый ряд таких объектов исследования, которыми совсем не занимается общая история народного языка. Старославянское наследие в составе русского литературного языка имело свою традицию, свое звуковое, грамматическое и лексико-фразеологическое развитие. Исторические закономерности изменявшихся взаимоотношений и взаимодействий между славянизмами и народными русизмами в составе русского литературного языка еще не раскрыты. В некоторых наших отечественных, а особенно зарубежных работах есть тенденция рассматривать разные типы и стили русского литературного языка даже применительно к XVI и XVII вв. как разные языки — церковнославянский и русский.

Не касаясь вопроса о том, насколько правильно такое резкое разграничение разных языков в русской литературе и письменности XVI и XVII вв.¹, все же необходимо признать, что перед исторической фонетикой, грамматикой, лексикологией и стилистикой русского литературного языка стоят специфические проблемы и задачи, очень далекие от традиционной историко-диалектологической схемы развития народного языка, включающей в себя лишь историю форм и конструкций народно-разговорной речи с ее областными вариациями и видоизменениями — и то далеко не в полном объеме. Между тем в русском литературном языке еще очень долго — до первых десятилетий XVIII в., иногда вплоть до «Российской грамматики» Ломоносова, — сохранились, особенно под влиянием церковно-книжной традиции, пережитки, своеобразные варианты и осколки архаических форм, даже форм словоизменения — как русских, так и «славяно-русских». Их функции, лексические ограничения и сферы стилистического распространения пока еще остаются не выясненными.

Таким образом, нельзя отрицать важности для истории русского общенародного языка и его диалектов, а также — с более широкой социально-исторической и культурно-исторической точки зрения — и для истории

¹ См., например, критические замечания проф. Б. О. Унбегауна о книге проф. С. Д. Никифорова «Гларол» (B. O. U n b e g a u n, Some recent studies on the history of the russian language, «Oxford Slavonic Papers», vol. V, 1954, стр. 126).

русского литературного языка изучения различий в общественно-исторических условиях развития языка в эпохи восточнославянской и великорусской народности, с одной стороны, и в эпоху оформления русской нации, с другой. Но нельзя не видеть и того, что характер отражения этих исторических процессов в развитии общенародного разговорного языка и его диалектов и в развитии русского литературного языка имеет существенные качественные отличия. Так как «литературный язык» есть понятие исторически изменяющееся, для разных эпох его развития наполненное разным содержанием — в зависимости не только от отношений к общенародному языку и диалектам, но и от объема и значения выполняемых им общественных функций, то было бы ошибочно, например, находить во всех изменениях русского литературного языка XIV—XVI вв. непосредственное отражение перехода от языка восточнославянской народности к языку великорусской народности.

Проблема «язык и общество» по отношению к истории литературного языка приобретает специфическую направленность и крайне сложное значение. Так, в языке московских грамот XIV—XV вв. обнаруживается явная зависимость от традиций древнего Киева и отчасти Новгорода. И в целом русский литературный язык Московской Руси XIV—XVI вв. продолжает во многом, особенно в своих высоких литературных жанрах, развивать те традиции, которые сложились в древнерусском литературном языке Киевского государства. Больше того: для русского литературно-языкового развития XV—XVI вв. характерно обращение к некоторым ставшим уже архаическими пластам древнерусского литературного языка XI—XIII вв. Все это говорит о сложности и своеобразии общественно-исторических условий развития русского литературного языка и о специфике законов этого развития сравнительно с историей общенародного русского языка.

*

Когда выдвигается вопрос об образовании русского литературного языка, то обычно привлекают к себе внимание две исторические эпохи: эпоха возникновения древнерусского письменного языка, в связи с созданием древнерусской литературы и письменности, и эпоха формирования национального русского литературного языка с XVII в. по 20—30-е годы XIX в., когда в творчестве Пушкина ясно определились литературные нормы русского литературно-словесного выражения и сложилась во всех своих основных звеньях структура современного русского языка. Однако понятие «русский литературный язык» в этих случаях неоднозначно: оно имеет качественно разнородное содержание. Согласно господствующему и во всяком случае господствовавшему до появления труда акад. С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946) мнению, литературным языком древней Руси до XVII — начала XVIII в. был язык церковнославянский, сформировавшийся у восточных славян на основе общелитературного языка славянства IX—X вв. — языка старославянского.

Акад. А. А. Шахматов выдвинул проблему влияния «церковного» (или церковнославянского) произношения даже на звуковой строй древнерусского литературного языка, по крайней мере его «славянизированного типа»¹. Вопрос об образовании древнерусского литературного языка тесно

¹ См. А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11. 1), Пг., 1915, стр. 208 и др. Ср. то же, Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков, в кн. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895.

связывался с водворением в древней Руси христианской культуры, с воздействием на восточное славянство византийско-болгарского просвещения. Наиболее широкую, хотя и ярко модернизированную картину освоения древнеболгарского языка не только образованными слоями древнерусского общества, но и массой горожан нарисовал А. А. Шахматов в своих курсах по истории русского языка и в своих разнообразных статьях по вопросам древнерусской культуры, литературы и литературного языка.

Шахматовская концепция — при всех ее индивидуальных оттенках — не вступала в противоречие с теми взглядами на процесс образования и развития древнерусского литературного языка, которые укрепились у нас со времен А. Х. Востокова и развивались затем М. А. Максимовичем, Ф. И. Буслаевым, М. А. Колосовым, А. И. Соболевским, Б. М. Ляпуновым, Н. Н. Дурново и другими историками русского языка.

В советскую эпоху шахматовская концепция образования русского литературного языка встретила решительное возражение и резкий отпор со стороны акад. С. П. Обнорского, проф. Л. П. Якубинского, а позднее члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева и некоторых других советских филологов и историков. Придавая особое значение государственно-деловому, а также поэтическому языку древней Руси, эти исследователи считают, что основа древнерусского литературного языка — восточнославянская народно-речевая. По мнению С. П. Обнорского, анализ языка «Русской Правды» (в краткой и пространной редакции), «Слова о полку Игореве», сочинений Владимира Мономаха, «Моления Даниила Заточника» приводит к неоспоримому выводу, что русский письменно-литературный язык «старшего периода» был народным во всех элементах своей структуры — и в звуковом строе, и в грамматических формах и конструкциях, и даже в лексико-фразеологическом составе. С. П. Обнорский настаивает на том, что возобладавшее представление о роли старославянского языка в образовании древнерусского литературного языка не может быть признано исторически обоснованным, во всяком случае оно крайне преувеличено, так как не считается с широким применением родной народно-разговорной речи в художественной литературе и словесности восточнославянского общества, а также в государственно-деловой и бытовой его практике.

Проф. Л. П. Якубинский в своих университетских лекциях, изданных под общим заглавием «История древнерусского языка»¹, рисовал гораздо более сложную картину образования и развития древнерусского литературного языка. Опираясь на ту общественно-историческую закономерность, согласно которой возникновение письменности обусловлено внутренними потребностями развивающегося общества, Л. П. Якубинский воспроизводит при помощи сравнительного историко-этимологического анализа соответствующей группы слов основные этапы истории письма у восточных славян и приходит к тому выводу, что в X в. и в начале XI в. государственным и дипломатическим языком древнерусского государства был язык старославянский, но что постепенно развивалась в городах древней Руси для практическо-бытовых нужд и письменность на народной восточнославянской речевой основе. В XI в. в древней Руси — в связи с усложнением и развитием общественной жизни города, в связи с расширением социально-политических прав городского веча, с распространением частной деловой переписки, — по словам Л. П. Якубинского, — происходит культурно-языковая революция, и функции государственно-делового речевого общения начинает осуществлять письменный язык на

¹ Л. П. Я к у б и н с к и й, История древнерусского языка, М., 1953.

народной восточнославянской основе. В других жанрах или видах древнерусской литературы развивается сложное стилистическое взаимодействие и сочетание русизмов и церковнославянизмов, или с преобладанием восточнославянской стихии, как, например, в языке «Слова о полку Игореве», в языке сочинений Владимира Мономаха, или с явным господством церковнославянского начала, как, например, в языке культовой, житийной, а иногда и историко-повествовательной публицистической прозы.

Член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев, написавший исследования по вопросам древнерусского летописания, сделавший много интересных наблюдений над языком Новгородских летописей, «Слова о полку Игореве», разных памятников древнерусской повествовательной литературы, доказывал, что и древнерусская письменность, и древнерусский литературный язык возникли и сложились как продукты и результаты самобытной восточнославянской культуры, явились как плод развития восточнославянского общества под влиянием внутренних государственных нужд и культурно-бытовых потребностей. В образовании и развитии древнерусского литературного языка, по мнению Д. С. Лихачева, нашла отражение высокая культура устного публичного слова, достигнутая восточнославянским обществом IX—X вв.¹ Несмотря на увлечения и преувеличения, в этих работах заключается много исторически ценного, много такого, что позволяет преодолеть односторонний схематизм шахматовской концепции.

В настоящее время объективно-историческое положение вопроса об образовании древнерусского литературного языка может быть представлено в следующем виде. Вопрос о времени возникновения письменности у восточных славян остается не вполне ясным. Имеются основания предполагать наличие у них письменности, хотя еще и мало совершенной, в эпоху до крещения Руси. Во всяком случае в составе «Повести временных лет» до нас дошли договоры Руси с греками начала X в. (древнейший—907 г.); некоторые из них, видимо, были написаны в Киеве (договор 945 г.). Бытовое письмо на бересте, относящееся к XI—XII вв. и найденное среди других берестяных грамот при раскопках Новгорода, Гнездовская надпись на сосуде начала X в., надписи XI в. на шиферных пряслицах, на кирпичках и других изделиях ремесла и т. п. — все это говорит о широком распространении письма и грамотности на Руси среди простых людей — ремесленных, промысловых и торговых — уже в X в., а возможно, и в IX в. Ставить это широкое применение в быту письменной речи восточными славянами в непосредственную связь с влиянием старославянского языка затруднительно.

Развитие и укрепление древнерусского (Киевского) государства, естественно, вызвало развитие и совершенствование письма, необходимого для фиксации государственных актов, для разного рода переписки, для потребностей развивающейся культуры — одной из самых богатых в средневековой Европе.

На основе древней, уходящей глубоко в дописьменную эпоху, общенародной по языку традиции синтаксических конструкций, формул и фразеологии посольских, воинских и разного рода договорных грамот, а также формул обычного права развивается письменный язык делового типа, древнейшим из известных нам образцов которого являются договоры

¹ См., например, следующие работы Д. С. Лихачева: «Новгородские летописные своды XII в.». Автореф. канд. дисс. (ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 2—3); «Возникновение русской литературы» (М.—Л., изд. АН СССР, 1952) и статью «Литература» (в кн. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951); см. также его статью «Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы» (ВИ, 1951, № 12).

с греками. Яркие представители этого типа письменного языка — Мстиславова грамота (ок. 1130 г.), а также более поздние грамоты разных местностей и в особенности знаменитый юридический памятник древней Руси — «Русская Правда», составленная в XI в., повидимому в Новгороде. Представляют большую ценность для истории русского языка найденные в 1951—1955 гг. при раскопках в Новгороде берестяные грамоты, в большей своей части являющиеся частными письмами и отражающие живую разговорную речь новгородцев.

Крещение Руси в конце X в. содействовало более широкому развитию письменности, прежде всего богослужебной и, шире, — церковно-религиозной на старославянском языке. Повидимому, очень рано наряду с письменным деловым русским и литературно-книжным церковнославянским в древней Руси развивается своеобразный третий тип письменно-литературного языка, который употреблялся в жанрах художественной литературы в той мере, в какой последняя в то время выделялась среди общей массы письменности. Этот тип древнерусского литературного языка имел общенародную основу и развивался на базе древней, восходящей к далеким дописьменным эпохам традиции народно-поэтической речи, представляющей собой при отсутствии письма своеобразную форму устно-литературного выражения. Он широко представлен в русских летописях (в особенности в их повествовательных частях). Его ярчайшим образцом является «Слово о полку Игореве», относящееся к концу XII в., но дошедшее до нас в копиях с позднейшего (видимо, XVI в.) списка, а также другое выдающееся произведение — «Слово Даниила Заточника» (конец XII — начало XIII вв.), также дошедшее в поздних списках.

Таким образом, древнерусская народность обладала тремя типами письменного языка, один из которых — восточнославянский в своей основе — обслуживал деловую переписку, другой, собственно литературный церковнославянский, т. е. руссифицированный старославянский, — потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, повидимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народно-поэтической речи и славянизмы, особенно при соответствующей стилистической мотивировке, применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные.

Однако этот третий тип литературного языка, бывший предметом напряженного живого и глубокого интереса советских историков русского языка и русской литературы за последнее десятилетие, еще не описан с полной определенностью в своих общих структурных свойствах. Наиболее разносторонне и широко изучался язык «Слова о полку Игореве»¹, менее исследован язык художественно-повествовательных частей древних летописей. Сохранившиеся немногочисленные памятники литературно-художественного искусства древней Руси принадлежат к разным жанрам. Поэтому старая проблема древнерусского литературно-письменного двуязычия сохраняет свою актуальность и до сих пор.

Само собой разумеется, что от того или иного понимания процесса образования древнерусского литературного языка и его исторических изменений зависит вся концепция его дальнейшего развития, между прочим и в эпоху формирования национального литературного русского языка с XVII в. вплоть до его, так сказать, полного самоопределения в творчестве Пушкина и в развитии русской речевой культуры XIX в.

¹ См. Д. С. Лихачев, Изучение древней русской литературы в СССР за последние десять лет, М., 1955, стр. 14—15.

*

В XIV—XVI вв. на базе отдельных частей древнерусской народности начинают формироваться и развиваться три восточнославянские народности — великорусская, украинская и белорусская. Постепенно становится все более яркими языковые различия этих народностей и языковое единство в пределах каждой из них. Колыбелью великорусской народности была область Ростово-Суздальская, на почве которой выросло Московское государство. В течение двух столетий, со второй четверти XIV в. и кончая первой четвертью XVI в., Москва объединила все северновеликорусские области и восточную половину южновеликорусских княжеств. Народные говоры этих местностей начинают функционировать как диалекты формирующегося великорусского (русского) общенародного языка; при этом руководящая роль в системе этих говоров принадлежала ростово-суздальскому диалекту. Складываясь на ростово-суздальской и владимиромосковской основе, язык великорусской народности уже с конца XIV — начала XV в. оказывает заметное регулирующее влияние на язык других частей Московского (Русского) государства. Несмотря на свое диалектное многообразие, язык великорусской народности был единым во всех основных элементах фонетической системы, грамматического строя и словарного состава. В структурном отношении язык великорусской народности XV—XVI вв. уже значительно ближе к современному русскому языку, чем язык древнерусской народности (ср. переход *е в о*, современную систему противопоставления согласных по твердости-мягкости, глухости-звонкости, развитие аканья, завершение формирования новой системы видо-временных форм глагола, закрепление современной системы именного склонения и т. п.). Глубокие изменения происходят в словарном составе языка великорусской народности: становятся общими для языка в целом такие слова, как *крестьянин*, *деньги*, *лавка* (в значении торгового заведения), *деревня*, *пашня* (ср. украинск. *нива* или *рилля*) и т. п. Общенародный великорусский язык начинает оказывать, особенно с XVI в., все усиливающееся влияние на развитие русского литературного языка.

Хотя на великорусской почве еще долго продолжают развиваться старые стилистические традиции древнерусского литературного языка, однако словарный состав, фразеологическая система, а отчасти звуковой и грамматический строй письменного языка северо-восточной Московской Руси, особенно его деловых разновидностей, подвергаются новым изменениям, отражая общие тенденции развития языка великорусской народности. Московский деловой язык XV—XVI вв., вбирая в себя элементы говора Москвы и диалектов окружающей его этнографической среды, получает известную литературную обработку и нормализацию. Сложившись по преимуществу на материале юридических актов и договоров, он начинает, особенно с XVI в., употребляться значительно шире. На нем пишутся руководства по ведению хозяйства, повествовательные исторические и географические сочинения, мемуары, лечебники, поваренные книги и другие произведения. Расширение литературных функций письменного-делового языка все больше содействует превращению его в своеобразный стиль литературной речи и тем самым содействует «национализации» русского литературного языка, во всяком случае образованию общенациональных грамматических, а отчасти и звуковых произносительных норм. Ярким образцом этого типа письменного-литературного языка в XVI в. являются, например, Домострой (язык этого памятника описан недавно проф. М. А. Соколовой), челобитные И. Пересветова, в XVII в. — Уложение 1649 г. (язык которого анализируется в исследовании проф. П. Я. Черных — «Язык Уложения 1649 г.»), сочинения царя Алексея Михайловича, сочинение Г. Котошихина «О России в царствование Алек-

сея Михайловича» и мн. др. Деловой язык Москвы, унаследовавший древнерусские традиции, а также испытывавший влияние со стороны соответствующих жанров новгородской письменности, к концу XVI в. стал общим для всего обширного русского государства. Именно в нем складываются существенные элементы будущей грамматической, а отчасти и лексической системы русского национального литературного языка.

Однако этот тип языка не был вполне свободен от влияния противостоящего ему книжно-литературного, «славянизированного» типа языка, также продолжавшего свои древнерусские «киевские» традиции в Северо-Восточной Руси. Между общеразговорным языком великорусской народности и этим архаизированным типом литературного языка, также расширявшим свои функции в связи с возникновением многих новых жанров в литературе и письменности великорусской народности, особенно с конца XV — начала XVI в., углубляются грамматические и лексико-фразеологические расхождения. С ростом и укреплением Русского государства, с возникновением идеи о «Москве — третьем Риме» книжно-литературный славяно-русский язык начинает претендовать на исключительное значение в сфере «высокой» литературы. В нем все сильнее выступает тенденция к созданию единых литературных, архаически-славянизированных норм. Новая, так называемая «вторая» струя югославянского влияния усиливает риторическую изощренность («плетение словес») славянизированного высокого слога. Возрождаются славянизмы в орфографии, в морфологии и лексике (ср. укрепившиеся в этот период такие слова высокого стиля, как *зодчий*, *сословие*, *союз* вместо прежнего *свуз* или *соуз*, *бренный* и т. п.). Однако — вследствие развития многих новых жанров письменности и литературы, связанных с многообразием эстетических, публицистических и идеологических заданий, — диапазон речевых колебаний в пределах отдельных литературных произведений, особенно в кругу художественного творчества, значительно расширяется. В высокий славянизированный слог нередко широкой волной вливаются элементы живой народно-разговорной речи и народного фольклора.

Акад. А. С. Орлов отметил отзвуки народной песни и живого просторечия в языке воинских повестей этого периода (например, в «Истории о Казанском царстве»), а в языке посланий царя Ивана Грозного, по словам того же акад. А. С. Орлова, звучит вся гамма разнообразных тонов — от «парадной славянины до московского просторечия».

Среди более демократических кругов общества высокий славянизированный слог так обильно насыщался элементами живой народной речи, что церковно-книжная основа его обнаруживалась лишь в употреблении славянских форм в устойчивых небольших группах слов (некоторые глаголы в форме аориста и имперфекта, слова *бысть*, *рече*, *аще* и др.), в довольно широком использовании неполногласных дублетов общенародных слов (*град*, *брег* и т. п.), в применении отдельных архаических синтаксических оборотов (вроде дательного самостоятельного). Такая своеобразная народно-литературная вариация славяно-русского языка употреблялась не только в собственно повествовательных жанрах, но также и в жанрах, прикрепленных к церковно-книжному языку (ср. первоначальную редакцию Жития Михаила Клопского). Вообще соотношение и противопоставление основных двух типов литературного языка в эту эпоху осложнено все усиливающимся разнообразием стилистических форм и разновидностей литературной речи, возникающих в результате их взаимодействия и смешения. Естественно, что эти процессы особенно напряженно и многообразно проявляются в языке литературно-художественных произведений. Уже в «Сказании о Мамаевом побоище» на первый план выдвигаются явления, связанные с великорусской дей-

ствительностью того времени и с соответствующей народной лексикой. Начиная с XVI в. до нас дошли записи народных песен и других образцов обработанной народно-поэтической речи. Воинские повести XV — XVI вв. и исторические песни и повести XVII в., продолжая старые древнерусские традиции этих жанров, а также обращаясь к элементам церковно-книжного языка, вместе с тем широко используют современный им фольклор, особенности народно-поэтической речи великорусской народности.

С середины XVII в., когда вследствие развития капиталистических отношений в недрах феодального общества осуществляется слияние в одно целое отдельных областей и земель, вызванное «... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹, существенно изменяются взаимоотношения между общенародным языком и местными диалектами. Постепенно прекращается образование новых резких диалектных различий; хотя старые еще и обладают значительной устойчивостью, однако на территориях экономически более развитых, более тесно связанных с центрами политической жизни они начинают постепенно сглаживаться. В городах образуются так называемые «мещанские говоры», представляющие собой своеобразное приспособление местного диалекта к городскому просторечию.

Все это содействовало внутреннему сплочению единой системы общенародного литературно-делового языка, в котором уже в XVI — XVII вв. выкристаллизовываются твердые грамматические признаки именного и глагольного словоизменения (впрочем, с возможностью употребления отдельных архаических форм при стремлении к «красноречию»), а в XVII в. обозначаются в основном современные типы сложных предложений. Внутреннее единство морфологической системы и главных структурных особенностей синтаксиса придает этому типу литературного языка национальный характер. В XVII в. устанавливаются многие из тех явлений, которые характеризуют грамматическую систему русского литературного языка XVIII — XIX вв. (например, объем категорий одушевленности и неодушевленности, система словоизменения местоимений — с устраниением, хотя и не полным, энклитических форм личных местоимений, система словоизменения составных имен числительных и т. п.). В XVI и особенно в XVII в. происходит развитие и закрепление новых форм синтаксической связи (например, с союзом *если*, распространение возникших с конца XV в. союзов типа *потому что, оттого что* и т. п.).

Со второй половины XVI в. начинает складываться на почве урегулирования соотношений славянизмов и русизмов своеобразная система грех стилей литературного языка: высокого слога, или «красноречия», простого, составляющегося из элементов народной разговорной и отчасти деловой речи, — «просторечия», и стилистической сферы промежуточной, или «посредственной». Диалектная база литературного языка, особенно его приказно-деловых стилей — московский говор (говор территории ближнего Подмосковья), северновеликорусский (ростово-суздальский) по своему происхождению, постепенно все больше и больше, особенно с середины XVI в., проникается южновеликорусскими элементами как через первичные средневеликорусские говоры (например, коломенский), так и непосредственно под южновеликорусским влиянием (укрепление среднего типа аканья, безударные окончания *-ы, -и* в именительном падеже множественного числа слов среднего рода и т. п.). Все это не могло не отразиться и на развитии приказно-делового языка, который, распи-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

ряя круг своих стилистических вариаций, постепенно усиливает свои притязания на литературное равновесие с языком славянорусским.

Показательно, что во второй половине XVII в. появляются сатирические произведения («Служба кабаку», «Сказание о куре и лисице» и др.), пародирующие нормы высокой литературной речи, осмеивающие пристрастие ее к славянизмам. Высокая литературная речь постепенно перестает быть безусловным предметом почтительного восхищения. Процесс образования русского национального литературного языка был связан с все большим сужением культурно-общественных функций славянорусского типа книжного языка и с постепенным приспособлением его к единой системе и единой норме общенародного языка. Те функциональные стили этого типа литературного языка, которые обслуживали интересы церкви и религии, постепенно, особенно наглядно в начале XVIII в., вытесняются из светского культурно-общественного обихода и превращаются в церковно-культовый жаргон. Русский национальный язык в XVII и в XVIII вв. формируется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры: живой народной речи с ее областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственно-делового языка в его разнообразных вариациях, стилей художественной литературы и церковнославянского типа языка с его разными функциональными разновидностями (ср. стиль сочинений протопопа Аввакума). Процессу литературно-языкового объединения, процессу создания единых норм литературного языка, прежде всего грамматических и орфографических, сильно содействовало распространение книгопечатания, особенно с середины XVII в. Способствуя нормализации русского литературного языка, росту культуры, книгопечатание сыграло огромную роль в распространении единого общенационального русского языка.

Процесс развития национального языка всегда сопровождается расширением его связей с другими языками. Через их посредство в национальном языке происходит своеобразное накопление общего интернационального речевого фонда, — конечно, в творческой народной обработке. Славяно-русский книжный тип литературного языка с XVII в. обогащается интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и ученого международного языка средневековой европейской науки — языка латинского. С середины XVII в. становится более тесной связь между русским и украинским литературными языками — в связи с воссоединением украинского народа с русским в едином Русском государстве. На почве украинского языка раньше развились такие жанры художественной литературы, как виршевая поэзия, интермедия и драма. Проникшие в украинский язык из польского «европеизмы», интернациональные термины обогащают словарный состав русского литературного языка. Развитие тесных связей с украинским и польским языками способствует углублению взаимодействий между славянскими литературными языками, особенно в процессе создания собственной научно-технической терминологии на международной основе. Польский язык в XVII в. выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий. В конце XVII — начале XVIII в. усвоение иноземной военной и торгово-промышленной техники, ряд новшеств, например, попытки кораблестроения, организация врачебного дела, устройство почтовых сообщений и т. п., реорганизация государственного управления — все это было связано с проникновением новых понятий и обычаев в быт и духовный кругозор русского общества, создавало острую потребность в пополнении и расширении словарного состава русского национального языка.

Сложность этих процессов не может скрыть и затушевать основных линий формирования и развития национального русского языка. Прежде всего выступила задача грамматической нормализации литературного языка. Осуществление этой задачи было связано, с одной стороны, с устранением целого ряда архаически-славянских дублетных форм в системе именного и глагольного словоизменения (например, причастий и деепричастий на *-ше*, форм аориста, имперфекта и т. п.), а также словообразования, с исключением некоторых пережиточных синтаксических конструкций, и, с другой стороны, с ограничением употребления некоторых грамматических форм и категорий книжно-славянского стиля или просторечно-облистного типа.

Была необходима грамматическая нормализация стилистического характера, опирающаяся на складывающуюся систему трех стилей литературного языка, однако направленная на строгое и стройное выделение единой устойчивой грамматической структуры русского национального языка. К разрешению этой проблемы с разных сторон подходили крупнейшие литературные деятели первой половины XVIII в., например, А. Д. Кантемир, В. Е. Ададуров, В. К. Тредиаковский, В. Н. Татищев и другие. В. К. Тредиаковский в своих филологических трудах остро подчеркивал необходимость освобождения национально-литературной грамматики как от архаически-славянских («мнимо высокого славянского сочинения»), так и от просторечно-разговорных вариаций и отклонений (от «мужичьего», «подлого заблуждения»). В. Е. Ададуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (приложение к Немецко-латино-русскому словарю Вейсмана, 1731 г.) предложил краткую схему нормативной грамматики русского литературного языка. Но наиболее глубокое и полное выражение грамматическая регламентация формирующегося национального русского языка в его трех основных стилях получила в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова.

Грамматические категории прежнего славяно-русского типа языка, уже вымершие в общем употреблении, теперь окончательно исчезают. Сохраняются лишь те славяно-русские формы, которые были приняты в деловой речи (например, формы родительного падежа прилагательных женского рода на *-ья*, *-ья*: *высокия чести* и др.; формы причастий, формы сравнительной и превосходной степени на *-айший*, *-ейший* и др.). Ломоносов выводил общие закономерности русского грамматического строя из наблюдений над многообразным материалом живой разговорной речи и из своей художественно-словесной практики. Ни в «Российской грамматике» Ломоносова, ни в его произведениях нет резко просторечных и тем более областных грамматических форм (есть северновеликорусская и областная лексика), что выгодно отличает язык Ломоносова, например, от языка Кантемира.

В произведениях Ломоносова не употребляются, например, энклитические формы местоимений, глагольные формы 2-го лица единственного числа настоящего времени с конечным безударным *-и*, деепричастия на *-вше* (*положивше*, *украшивше* и т. п.), членные формы деепричастий (*изображаяй*, *имеяй* и т. п.), встречающиеся в сочинениях Кантемира и Тредиаковского (а позднее — А. Н. Радищева). Это обновило и демократизировало весь грамматический строй русского литературного языка. Кроме того, Ломоносовым систематизированы фонетические и грамматические различия между высоким и простым стилями, причем в простой слог был открыт широкий доступ грамматическим формам живой устной речи, не носящей узко областного отпечатка (например, формам типа *желаньев*, *блекляе* и т. п.).

В истории развития культуры народа важным моментом считается

появление собственных нормативных грамматик родного языка. У исследователей исторической морфологии русского литературного языка XVIII в. есть важные опорные пункты в виде «российских грамматик» Ф. Максимова, В. Ададунова, особенно М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, Н. Курганова и грамматики Академии Российской (1802 г.). Однако при всей ценности грамматических свидетельств, которые содержатся в основополагающих трудах М. В. Ломоносова и А. А. Барсова, обе эти грамматики — что и естественно — далеко не охватывают всей совокупности морфологических, а тем более синтаксических явлений русского литературного языка XVIII в.

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что периоды грамматической нормализации и грамматического развития литературного языка не совпадают с периодами изменений и развития его словарного состава. Упорядочение и развитие грамматической системы национального русского литературного языка до появления «Российской грамматики» Ломоносова (1755 г.), следовательно до 40—50-х гг. XVIII в., протекало в иных направлениях и осуществлялось в ином темпе, чем позднее — под организующим влиянием открытых Ломоносовым грамматических законов и норм русского языка — с 50—60-х гг. XVIII в. до 20—30-х гг. XIX в., до так называемой Пушкинской эпохи. Единая нормативная грамматика, охватывающая всю грамматическую сферу языка, упорядочивающая язык в унитарно-национальном плане, создает мощный и однородный костяк национального языкового организма и поднимает на более высокий уровень и индивидуально-стилистические выразительные возможности. В некоторой связи с нормализацией грамматической системы русского национального литературного языка находится и вопрос о его произносительных нормах.

В последние десятилетия наши знания об изменениях в звуковой системе русского литературного языка XVI—XVII и последующих веков значительно обогатились. Несколько более прояснился характер московского аканья (работы К. В. Горшковой и Р. И. Аванесова, П. Я. Черных и др.)¹, хотя время включения аканья в произносительные нормы литературного языка, ход его развития и последующие изменения в этом процессе пока еще остаются точно не установленными (ср. взгляды Б. Унбегауна, С. Д. Никифорова, Р. И. Аванесова, П. Я. Черных, С. П. Обнорского и др.)². Кроме того, было подчеркнуто, что различие *ъ* и *е* (под ударением), типичное для литературного произношения до начала и даже до середины XVIII в., свойственно не только северным, но отчасти и южным великорусским говорам.

Акад. С. П. Обнорский не раз выдвигал гипотезу о существовании и борьбе в русском литературном языке XVIII и XIX вв. двух произно-

¹ См. К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык «Писем и бумаг Петра Великого». Канд. дисс., М., 1945; е е ж е, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века, «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 10; П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 года, М., 1953.

² С. Д. Никифоров, Язык московской письменности XIV—XVII веков, «Р.яз. в шк.», 1947, № 1. Вопреки А. И. Соболевскому, относившему появление московского аканья к XIV в. (см. «Лекции по истории русского языка», 4-е изд., М., 1907, стр. 76—77), С. Д. Никифоров вслед за А. А. Шахматовым полагает, что аканье лишь во второй половине XVI в. входит в строй московского государственного языка. П. Я. Черных сначала допускал распространение аканья в Москве лишь в XVII в. (см. «Ученые записки [Ярославск. пед. ин-та], вып. 4, 1944, стр. 92). В «Исторической грамматике русского языка» (2-е изд., М., 1954) он пишет: «В XV в. в Москве аканье уже получило широкое распространение» (стр. 137). Правда, тут же делается оговорка, что «в старопечатных московских книгах XVI — XVII вв. аканье почти не получило отражения».

сительных норм — московской и петербургской¹. При этом С. П. Обнорский явно преувеличивал и расширял пределы распространения петербургской произносительной нормы. Так, на основании изучения пушкинских рифм он приходил к выводу, что «нормы литературного языка, отраженные Пушкиным, примыкают к северной разновидности литературного языка»². Между тем известны свидетельства современников Пушкина и близких друзей его, жителей Петербурга, например П. А. Плетнева, о том, что Пушкин лишь прирожденных москвичей считал судьями «по части хорошего выговора на русском языке»³.

Перевод столицы в начале XVIII в. в Петербург уже не мог оказать существенного влияния на общий характер русского литературного языка. В самой новой столице было смешанное разноречное население, для которого, по крайней мере на первых порах, сложившиеся в Москве произносительные навыки и нормы сохраняли свой образцовый характер. Впрочем вопрос о времени сложения единых твердых произносительных норм русского литературного языка не может считаться окончательно решенным. Колебания в его хронологическом прикреплении охватывают целый век, а то и больше (от второй половины XVIII в. до середины XIX в.).

Гораздо более сложно и разнообразно протекали процессы развития и стилистической нормализации лексико-фразеологического состава русского литературного языка в первые десятилетия XVIII в., так как словарь широко, непосредственно и быстро отражает все изменения в жизни общества.

В русском литературном языке Петровской эпохи происходит резкое усиление значения разновидностей государственной, приказной речи, расширение сферы ее влияния. Заботы передового общества и правительства о «внятном» и «хорошем стиле» переводов, о сближении их с «русским обходительным языком», с «гражданским посредственным наречием», с «простым русским языком» отражали сложный процесс формирования общерусского национального языка. Деловая приказная речь вытесняла славяно-русский тип языка из области науки.

Освобождению литературного русского языка от излишних церковнославянизмов содействовало широкое проникновение в его словарный состав интернациональной лексики и терминологии. Процесс переустройства административной системы, реорганизация военно-морского дела, развитие торговли, фабрично-заводских предприятий, освоение разных отраслей техники, рост научного образования — все эти исторические явления сопровождаются созданием или заимствованием новой терминологии, вторжением потока слов, направляющихся из западноевропейских языков — голландского, английского, немецкого, французского, польского и итальянского. Профессионально-цеховые диалекты разговорно-бытовой русской речи также привлекаются на помощь и вливаются в систему письменного делового языка. Верхушки эксплуататорских классов охотно поддаются моде, среди высших слоев общества распространяется поверхностное щегольство иностранными словами. Поэтому Петр I вынужден был отдать приказ, чтобы реляции «писать все российским язы-

¹ См.: рец. С. П. Обнорского на «Грамматику русского языка» Р. И. Копутича (ИОРЯС, 1916, кн. 1); его же, Пушкин и нормы русского литературного языка, «Труды юбилейной науч. сессии [Ленингр. гос. ун-та]», Секция филол. наук, 1916, стр. 86.

² С. П. Обнорский, Пушкин и нормы русского литературного языка, стр. 98.

³ См. «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, СПб., 1886, стр. 400. Ср. критические замечания Б. В. Томашевского о взглядах С. П. Обнорского в статье «К истории русской рифмы» («Труды Отдела новой русской лит-ры [Ин-та лит-ры (Пушкинского дома) АН СССР]», I, М.—Л., 1948, стр. 240—241).

ком, не употребляя иностранных слов и терминов», так как от злоупотребления чужими словами иногда «самого дела выразуметь невозможно». Прозаические сочинения А. Д. Кантемира дают некоторое представление о научно-деловой речи первых десятилетий XVIII в. Здесь формируется средний стиль научно-деловой прозы, иногда сближающийся с просторечием, а иногда поднимающийся до высокого. Задача разработки среднего стиля была особенно актуальна, так как границы и различия между высоким и низким стилями были общепризнаны и очевидны. «Обыкновенно я подло и низким штилем писать, не смею составлять панегирики, где высокою штилем употреблять надобно», заявлял Кантемир в «Изъяснениях» к «Речи к Анне Иоанновне»¹. Стремясь там, где представлялась возможность, пользоваться русскими терминами (*средоточие* — *центр*; *понятие* — *идея*; *существо* — *субстанция* и т. п.), Кантемир понимал историческую необходимость освоения иноязычных интернациональных терминов.

Из делового приказного слога при помощи живой разговорной речи постепенно вырастают новые стили научно-технических произведений, новые стили публицистической и повествовательной литературы, гораздо более близкие к устной речи и более понятные, чем старые стили славяно-русской книжной речи, хотя богатая церковнославянская лексика и семантика продолжают служить мощным источником обогащения национального русского литературного языка в течение всего XVIII в.

Резкие колебания в формах и конструкциях, в словоупотреблении и фразеологическом составе до некоторой степени регулировались распределением языковых явлений по трем стилям («красноречие», «просторечие» и «средний», или «посредственный стиль»). Различия между просторечием и красноречием или высоким стилем сказывались и в орфоэпических нормах. В высоком стиле культивировались оканье, фрикативное *г*, *е* под ударением вместо *о* перед твердыми согласными; здесь были свои характерные особенности в ударении слов и в интонации.

Основы лексической нормализации нового литературного языка обобщены и закреплены М. В. Ломоносовым в его рассуждении «О пользе книг церковных». Ломоносов объединяет в понятие «российский язык» все разновидности русской речи — славяно-русское красноречие, приказный язык, живую устную речь с ее областными вариациями, стили народной поэзии — и стоит за «рассудительное употребление чисто российского языка», обогащенного культурными ценностями языка славяно-русского, который он рассматривает не как особую самостоятельную систему литературного выражения, а как арсенал стилистических и выразительных средств, придающих величие и торжественность русскому языку и дифференцирующих его стили. Простой или низкий стиль целиком складывается из лексических элементов живой народно-разговорной речи, а также и из свойственных ей конструкций и идиоматических синтаксических оборотов, даже с примесью простонародных выражений. Средний стиль состоит из слов и форм, общих славяно-русскому типу книжного языка и устной русской речи. В высокий слог входят славянизмы, а также выражения, общие живому русскому языку и славяно-русскому типу книжной речи. Каждый из трех стилей связан со строго определенными жанрами литературы. В пределах каждого стиля развиваются более узкие функциональные разновидности. Теория трех стилей ввела в довольно узкие стилистические рамки употребление элементов прежнего славяно-русского типа языка, она ограничила применение иностранных слов.

Во многих случаях одна и та же мысль могла быть теперь по-разному

¹ А. Д. Кантемир, Сочинения, письма и избранные переводы, I, СПб., 1867, стр. 306.

выражена средствами каждого из этих трех стилей. Существовали сложные ряды смысловых соответствий между словами и фразеологическими оборотами разных стилей. Например: *вотще, напрасно, попусту, зря; рублище, вретисще, лохмотье, отрепье, обноски; обр, кровать, постель; стезя, дорога, тропя; злак, зелень, трава; рыбарь, рыба, ловец, рыболов; кормило, руль; закрыть очи свои, скончаться, умереть, помереть* и т. п.

Семантический объем и конструктивные средства этих трех стилей русского литературного языка XVIII в. были очень различны. Особенно далеко расходились в этом отношении высокий и простой стили. Гражданские, патристические, общественно-политические и научно-философские мысли преимущественно выражались средствами высокого («славянского») и отчасти среднего стили. В пределах каждого из трех стилей помещались строго определенные виды литературного творчества. Простому стилю, ближе всего связанному с живой народной речью и фольклором, до начала XIX в. отводилось очень скромное место в художественной литературе. В основном оно ограничено было кругом комедий, басен, эпиграмм, бытовой переписки. Наиболее важные, наиболее значительные по своему содержанию жанры были насыщены славянизмами, иногда очень «обветшалого», устарелого характера, чуждыми народному языку. Правда, передовые писатели второй половины XVIII в. и начала XIX в. (А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, Г. Р. Державин, И. А. Крылов) с разных сторон и в разных направлениях открывают литературе новые средства словесного выражения и новые сокровища «природного» русского слова. Их творчество во многом не подчиняется формальным предписаниям теории трех стилей.

Уже Ломоносов понимал, что все богатство, все выразительные возможности русского языка не вмещаются в узкие пределы теории трех стилей. Поэтому художественно-речевая практика Ломоносова оказалась богаче его теории. В стиле произведений Ломоносова, кроме разграничений жанрово-стилистических, наблюдаются разграничения функционально-речевые и тематические, например, в рамках высокого стили — стиль панегирический, стиль исторический, стиль одический и т. д.

Таким образом, в пределах каждого из трех основных стилей литературного языка намечалось сложное многообразие жанровых и функционально-речевых стилистических вариаций. Например, в пределах высокого стили различались стиль ораторской речи, стиль оды, стиль трагедии, стиль научного рассуждения и т. п., в пределах среднего стили — стиль повести, стиль газетной и журнальной публицистики, стиль учебного руководства, стиль официальной деловой речи и т. д. Менее дифференцированы были за пределами художественной литературы функционально-речевые разновидности низкого или простого стили. Зато здесь ярко выступали социально-характеристические вариации и экспрессивные краски разговорно-бытовой речи.

Естественно, что границы и состав среднего стили, в котором происходили сложное взаимодействие и объединение книжно-славянских и народно-разговорных элементов, были особенно широки. Средний стиль постепенно становится ядром системы формирующегося русского национального языка, а его изменения делаются движущим началом ее развития. Однако нормы этой национальной языковой системы еще неустойчивы и колебания их очень разнообразны и широки. Так, в русском литературном языке XVIII в. даже в пределах одного и того же стили наблюдается широкое сосуществование синонимических дублетов, непродуктивных и продуктивных способов образования слов от одной основы с более или менее однородным значением, например: *следство — следствие; присутствие — присутствие; действие — действие; спокойность — покой-*

ство — спокойствие; щедрость — щедрота; густость — густота; крутость — крутизна; дарить — даровать — дарствовать и т. п. (почти все примеры взяты из произведений М. В. Ломоносова). Дальнейшее семантико-стилистическое развитие русского языка постепенно привело к сокращению функционально немотивированной дублетности или к дифференциации значений словообразовательных синонимов.

Художественная литература с 30—40-х гг. XVIII в. становится той творческой лабораторией, в которой вырабатываются нормы национального литературного языка. Особенно важное значение в ходе этого процесса имели усилия крупнейших писателей XVIII в., направленные на углубление и расширение народно-языковых основ среднего стиля, на сближение высокого стиля с семантико-фразеологическими закономерностями русского народного языка, а также на литературную регламентацию, на упорядочение простого стиля. В этом отношении характерны принципы, выдвинутые А. П. Сумароковым и его школой. Вводятся ограничения для литературного употребления областных народных слов и выражений. Широко используется в художественных произведениях устная и письменно-бытовая речь образованной среды, главным образом московское интеллигентское употребление. Вульгаризмы запрещаются. Выдвигается лозунг «олитературивания» разговорной речи. Простой слог приближается к среднему. Объявляется борьба с приказно-бюрократическим функционально-речевым стилем и подъяческим жаргоном. Все это ведет к расширению состава и функций среднего стиля, не регламентированного Ломоносовым. Реорганизуется структура высокого стиля. Расшатываются его традиционные славяно-русские, церковно-книжные основы, еще так крепко связанные у Ломоносова с «пользой книг церковных». А. П. Сумароков и его школа ведут яростную борьбу с галломанией придворно-аристократического круга и его дворянских подголосков, с жаргоном светских щеголей, пересыпавших свою речь французскими (а иногда немецкими) словами. Комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» еще оригинальнее, острее и глубже развивают сатирические тенденции борьбы с жаргонами, с узким провинциализмом и профессиональной цеховой односторонностью речи, за единые общенациональные нормы обработанного литературного языка.

Углубление национальных основ литературного русского языка особенно ярко сказывается в позиции Г. Р. Державина, который иногда достигал высокой степени реалистического мастерства. По словам В. Г. Белинского, «с Державина начинается новый период русской поэзии». В стиле Державина как бы предчувствуется будущий язык Пушкина: в образах и выражениях, общих обоим поэтам, легко увидеть большую широту и народность, силу и музыкальность языка.

Например, у Державина:

В прекрасный майский день...
... При гласе лебедей
(«Прогулка в Царском селе»).

У Пушкина:

Весной при кликах лебединых
Являться муза стала мне
(«Эродий над гробом праведницы»)

У Державина есть выражение «Сотрясший тлена суеты»; у Пушкина и ярче, и семантически острее, значительнее:

Твоим огнем душа пала
Отвергла тлен земных сует
(«В часы забав иль праздной скуки...»)

Влияние Ломоносова, Фонвизина и Державина отразилось и на языке Радищева.

Таким образом, огромную роль в выработке норм национального литературного языка, в обогащении его словарного состава, изобразительных средств, в усовершенствовании его синтаксического строя и развитии стилистических возможностей сыграли русские писатели. Но нельзя недооценивать большого творческого участия в этом процессе и других передовых общественных деятелей, особенно представителей отечественной науки.

В XVIII в. протекал сложный и разносторонний процесс формирования русской национальной терминологии, включавшей в себя необходимый фонд интернациональных терминов, но имевшей также широкую базу живой народной речи. Так, Ломоносов боролся с излишним, неоправданным заимствованием иностранных слов, засоряющим русский язык, но там, где было необходимо, свободно пользовался иноязычными, интернациональными терминами (например, *небесная сфера, фазис, призма, гидростатические законы, цинк, висмут, вольфрам* и т. п.). Страстно желая сделать достижения науки доступными народу, Ломоносов в широких масштабах вводил в научный оборот лексику повседневного употребления. Уже в его переводе «Вольфианской экспериментальной физики» (1745) выступают в роли научных терминов такие слова и выражения, как *опыт, жидкие тела, упругость, теплота, зажигательное стекло, сила тягости, весы чувствительные, давление воздуха, известь негашеная, равновесие тел* и др. «Русские академики, от Ломоносова до Севергина, — писал в «Истории Российской Академии» акад. М. И. Сухомлинов, — ... составляли учебники и руководства на русском языке, читали публичные лекции, помещали научные, общедоступные, статьи в повременные издания и т. д. Членам Академии наук и Российской Академии принадлежит честь создания и усовершенствования русской научной терминологии. Благодаря их усилиям наука впервые заговорила у нас на родном языке — событие в высшей степени важное не только в истории русского литературного языка, но и в истории русской образованности вообще»¹. Особенно велика была роль народного языка в формировании русской научной терминологии — ботанической, зоологической, медицинской, промысловой и технической.

В истории лексико-фразеологического и отчасти общего стилистического развития русского литературного языка с конца XVII в. до Пушкинской эпохи можно различать три периода: первый период — Петровское время и его продолжение до 30—40-х гг. XVIII в., когда словарный состав русского литературного языка пополняется большим количеством профессионально-технических терминов и разнообразной интернациональной лексикой, когда остро выступает значение «посредственного стиля», когда рост национального самосознания в русском обществе приводит к потребности стилистической регламентации литературного языка на чисто русских национальных основах, на базе «простой речи». Второй период — со второй трети XVIII в., особенно с 40—50-х гг., когда окончательно складывается система трех стилей, а затем развитое Ломоносовым учение о трех стилях и об их лексико-фразеологическом составе ложится в основу стилистической практики употребления литературного языка. Тогда же вырисовываются в более четких линиях грамматические нормы национального русского литературного языка. Третий период — с 70—80-х гг. XVIII в., когда начинается смещение, а иногда и устранение

¹ М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. 4, СПб., 1878, стр. 4.

границ между тремя стилями. В это время наглядно вырисовывается многообразие функционально-речевых стилей, однако стесненное и ограниченное рамками каждого из трех стилей. Все острее выдвигается проблема образования единой общенациональной литературно-языковой нормы. Намечаются контуры единой не только грамматической, но и лексико-семантической системы русского национально-литературного языка, но пока еще без свободного расширения народно-разговорной его базы. Так расчищается и открывается путь к той синтетической национально-языковой норме литературного выражения, которая нашла воплощение в творчестве А. С. Пушкина.

История русского литературного языка в XVIII в. в основном сводится к трем сложным процессам: ко все более тесному сближению стилей литературного языка с системой национально-разговорного общенародного языка; к постепенному устранению перегородок, жанровой разобщенности между тремя стилями языка и к созданию единой национально-языковой нормы литературного выражения при многообразии способов ее функционально-речевого использования; и, наконец, к литературной обработке народного просторечия и к формированию устойчивых норм разговорно-литературной речи, к сближению норм живой устно-народной речи с нормами литературного языка.

При всем богатстве и разнообразии форм литературного выражения в общерусском национальном языке во второй половине XVIII в. еще не установилось единых твердых норм. Высокий слог и прикрепленные к нему жанры старели или заметно эволюционировали в сторону сближения с живой разговорной речью; простой слог с его вульгаризмами и диалектизмами, с его неупорядоченным синтаксисом, с его бедными средствами отвлеченного изложения не мог обслуживать ни развивающуюся публицистику, ни науку, ни официально-деловую практику, ни многочисленные жанры художественной литературы. Все острее к концу XVIII — началу XIX в. ощущалась потребность в отмене жанрово-стилистических ограничений, в создании средней литературной нормы, близкой к народно-разговорному языку и в то же время обогащенной стилистическими достижениями всей литературной культуры речи. К этому стремились многие писатели конца XVIII и начала XIX в. (Н. И. Новиков, В. В. Капнист, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин и др.). Особенное значение для истории русской литературно-художественной речи имела литературная деятельность Карамзина, с именем которого современники прямо связывали создание «нового слога российского языка».

Карамзин выдвигал задачу — образовать один, доступный широким кругам национально-литературный язык «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут». Для этого необходимы: устранение резких церковнославянизмов, особенно культового, архаически-книжного и «учено»-старомодного типа в произношении, грамматике и словаре, при широком использовании тех славянизмов, которые стали общим достоянием книжной речи; тщательный отбор наличного языкового материала и создание новых слов и оборотов (ср. неологизмы самого Карамзина: *влюбленность*, *промышленность*, *будущность*, *общественность*, *человечность*, *общепользный*, *достижимый*, *усовершенствовать* и др.). Язык преобразуется под влиянием «светского употребления слов и хорошего вкуса». Упорядочиваются синтаксис и фразеология. Из общего литературного активного словаря постепенно исчезает значительная часть специальных слов ученого языка, восходящих к церковнославянизмам. Архаические и профессиональные славянизмы избегаются (*учинить*, *изрядство* и т. п.). В общем литературном употреблении не рекомендуется пользоваться специальными терминами школы, науки, техники, ремесла и хозяйства.

Накладывается запрет на провинциализмы и на ярко экспрессивные фамильярно-просторечные или простонародные слова и выражения. Употребление грамматических конструкций и форм распространенного и сложного предложения шлифуется в том же направлении. Устанавливается строгий порядок слов. Отступления должны быть стилистически оправданы. Регламентированы приемы построения сложных синтаксических периодов. Число употребительных союзов сокращено (ср. исключение даже таких книжных союзов, как *ибо*, *якобы*, *ежели* и др.). Точно определены формы синтаксической и лексической симметрии в соотношении членов периода.

Карамзинский стиль был как бы направлен на то, чтобы все замыкать в простые формулы, объяснять и популяризировать. Карамзин дал стилистике русской художественной литературы новое направление, по которому пошли такие замечательные русские писатели, как К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский. Даже стиль Пушкина многим был обязан стилистической регламентации Карамзина, которая отчасти легла в основу выдвигавшихся тогда принципов грамматической нормализации литературного языка (ср. «Грамматику» Н. И. Греча). Слог Карамзина, по словам современника, «стал слогом всех» (С. П. Шевырев). Однако это было не совсем так. Отсутствие широкого демократизма и народности, пренебрежение к «простонародной» речи и ее поэтическим краскам, слишком прямолинейное отрицание многих достижений славяно-русской речевой культуры, еще продолжавшей снабжать словарным материалом язык науки и техники, а образами и фразеологией — стили художественной прозы и особенно стиха, излишнее пристрастие к «европеизмам» в области фразеологии, а иногда и конструкций словосочетания, наконец, надоедливая легкость, сглаженность и манерность изложения в стиле эпигонов Карамзина — все это убедительно свидетельствовало о том, что вопрос о единой норме национально-языкового литературного выражения мог быть разрешен только на более широкой народно-речевой базе. Вокруг «нового слога русского языка» закипела общественная борьба (ср. «Рассуждение о старом и новом слоге» А. С. Шишкова, с одной стороны, и критику из лагеря декабристов, с другой).

Прогрессивные писатели начала XIX в. (такие, как А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, К. Ф. Рылеев и др.) использовали в качестве художественно-выразительных средств не только то, что было уже закреплено в литературном языке той эпохи как норма национально-литературного выражения, но и то, что, широко применяясь в разговорной народной речи, еще не получило литературной обработки и канонизации. Умелое употребление и активный отбор типичных для живой разговорной речи выражений и конструкций приводят к закреплению их в общенациональной системе литературного языка, способствуют его дальнейшему развитию и совершенствованию. Вместе с тем в русской литературе первых десятилетий XIX в. были указаны и продемонстрированы разнообразные пути и средства использования даже старинных средств высокого слога — при наличии глубоких стилистических или идеологических мотивировок.

В языке Пушкина вся предшествующая культура русской литературной речи получила качественное преобразование. Язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова. Художественно-речевая практика Пушкина определила дальнейшие пути развития национального литературного русского языка. Народность языка, по Пушкину, определяется всем содержанием и своеобразием национальной русской культуры. Пушкин признает европеизм, но только

оправданный «образом мысли и чувствований» русского народа. Эти принципы были для поэта не отвлеченными правилами, но плодом глубокой оценки современного состояния литературного языка; они определяли метод его творческой работы. Пушкин объявляет себя противником «искусства, ограниченного кругом языка условленного, избранного». «Зрелая словесность» должна иметь своей основой «странное (т. е. самобытное, отражающее творческую оригинальность народа. — В.В.) просторечие». В этой широкой концепции народности находили свое место и славянизмы, и европеизмы, если они соответствовали духу русского языка и удовлетворяли его потребностям, сливаясь с национальной семантикой. В системе национального литературного русского языка должны были на народной основе объединиться и славянизмы, и книжные, и разговорные элементы общерусского языка, и просторечие широких народных масс, их живая разговорная речь.

Пушкин сочетал слова и обороты церковнославянского языка с живой русской речью. На таком соединении он создал поразительное разнообразие новых стилистических средств в пределах разных жанров. Он воскрешал старинные выражения с ярким колоритом национальной характеристики. Но Пушкин предупреждал, что «славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно». В пределах общенациональной языковой нормы возможно богатое функционально-стилистическое разнообразие слов и оборотов. Но для этого необходимо «чувство соразмерности и сообразности». Этот принцип решительно противопоставляется как учению о трех стилях — с прикрепленным к каждому из них кругом слов и оборотов, так и принципу «аристократического» отбора слов и выражений в «новом слоге российского языка». Установив общенародную литературно-языковую норму, Пушкин разрушает все преграды для движения в литературу тех элементов русского языка, которые могли претендовать на общенациональное значение и которые могли бы содействовать развитию как общественных функционально-речевых стилей, так и индивидуально-художественных композиций и стилевых систем. Те же принципы Пушкин применяет к европеизмам. В языке его ранних произведений встречаются галлицизмы, в частности, в области фразеологии («воин мести», «сын угрюмой почвы», «листы воспоминаний» и др.), в синтаксических конструкциях (например, именительный независимый).

Пушкин постепенно освобождает от них свой стиль. Он — противник «калькирования» чужих выражений, перевода их слово в слово. Но Пушкин не отвергает иноязычные, а тем более интернациональные заимствования, особенно необходимые в научной и публицистической прозе. Вовлекая в русскую речь европеизмы, Пушкин исходит из семантических закономерностей самого русского языка и из культурных потребностей русской нации.

Принцип всенародной общности языка ведет к отрицанию ненужных, излишних заимствований. Употребление специальных терминов в общелитературной речи Пушкин тоже ограничивал: «Избегайте ученых терминов, — писал он И. В. Киреевскому 4 января 1832 г., — старайтесь их переводить». Пушкин отбирает и комбинирует наиболее характерные и знаменательные формы народной речи, семантически сближая литературный язык с «чистым и правильным языком простого народа», от которого он резко обособлял жеманные социально-речевые стили мещанской полунинтеллигенции, «язык дурного общества». Понятно, что областные этнографические особенности народной речи, узкие провинциализмы Пушкиным лишь в редких случаях включались в литературную норму. Из областных наречий и говоров он вводил в литературу лишь то, что было общепонятно и могло получить общенациональное признание. Пуш-

кинский язык чужд экзотике областных выражений, избегает ненужных арготизмов. Он почти не пользуется профессиональными и сословными диалектами города. В том же направлении смысловой емкости при предельной простоте Пушкин шлифует синтаксис. Краткие, сжатые фразы (обычно в 7—9 слов), чаще всего с глагольным центром, логическая прозрачность в приемах сочинения и подчинения предложений (употребление без излишних стилистических ограничений широко известных союзов книжной и народно-разговорной окраски) рельефно оттеняют быстрое движение острой и ясной мысли. В творчестве Пушкина впервые пришли в равновесие основные стихии русской речи. Он доказал, что «глубокие чувства» и «поэтические мысли» могут быть литературно выражены самой простой, народной речью, «языком честного простолюдина». И такое их выражение — энергичное, живое и драматическое, свежее и простосердечное, «драгоценно» и способно производить сильнейшее впечатление. Из безбрежной стихии народно-разговорной речи Пушкин допускал в литературный язык все то, что, по его мнению, составляло коренные основы национального русского языка.

Разрешив в основном вопрос об общенациональной языковой норме, Пушкин окончательно похоронил теорию и практику трех литературных стилей. Открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей. Широкая национальная демократизация литературной речи давала простор росту и свободному развитию индивидуально-творческих стилей в пределах общелитературной нормы. Вместе с тем, при наличии единой твердой национально-языковой нормы и вследствие смешения и слияния прежде разобщенных стилистических контекстов, — развивается сложное и богатое разнообразие функционально-речевых стилей, которые характеризуются своеобразными типизированными способами использования языковых средств. Особенно рельефно выступают различия между такими стилями речи, как художественно-беллетристический, научный, публицистический, официально-торжественный, или риторический, деловой, канцелярский и некоторые другие.

Со времени Пушкина русский литературный язык входит как равноправный член в семью наиболее развитых западноевропейских языков. Доведя до высокого совершенства лирические стихи, Пушкин дал классические образцы языка художественной повествовательной и исторической прозы. Но проблема «метафизического языка» (т. е. национальных стилей отвлеченной, философско-книжной, научной и публицистической речи) еще не была разрешена. Развитие научно-философского и критико-публицистического стилей в 30—40-х гг. XIX в. было связано с интенсивным и широким разворачиванием культурно-публицистической деятельности таких выдающихся представителей русской демократической культуры, как В. Г. Белинский и А. И. Герцен. Много содействовал обогащению художественной речи отвлеченной лексикой и фразеологией М. Ю. Лермонтов.

К 30—40-м годам XIX в. основное ядро национального русского литературного языка вполне сложилось. Русский язык становится языком художественной литературы, культуры и цивилизации мирового значения.